

ПРИРОДА РОССИЙСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ: ВНЕШНИЙ КОНТЕКСТ И ВНУТРЕННИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

А. В. Глухова, Д. В. Сосунов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 8 февраля 2012 г.

Аннотация: авторы анализируют избирательный цикл в России 2011–2012 гг. в контексте масштабных политических трансформаций в разных странах и регионах мира; выявляют природу российской конфликтности с точки зрения ее предпосылок, динамики, ключевых акторов; предлагают прогноз дальнейшего развития событий.

Ключевые слова: избирательный цикл, мировой социально-политический кризис, политический конфликт, общественный консенсус, средний класс, правящая элита.

Abstract: the authors analyzed the electoral cycle in Russia 2011–2012 in the context of large-scale political transformations in different countries and regions of the world; also they identified the nature of the Russian conflicts from the point of view of its prerequisites, dynamics, key actors; and offered to forecast the further development of events.

Key words: electoral cycle, world's socio-political crisis, political conflict, public consensus, middle class, ruling elite.

Избирательный цикл 2011–2012 гг. в России примечателен тем, что протекает на фоне масштабных политических трансформаций, затрагивающих разные страны и регионы. «Мировой социально-политический спазм» (А. Богатуров) прошлого и текущего года отмечен массивными протестными выступлениями. В Греции, Испании, Италии, оказавшихся из-за огромных долгов на грани банкротства, планы жесткой экономии бюджетных расходов за счет социальных статей, продиктованные Евросоюзом и МВФ, вызывают массовые забастовки и уличные демонстрации. В еще недавно спокойной, законопослушной Англии они вылились в беспрецедентную волну погромов и грабежей.

Неспокойно не только в Европе, но и на других континентах. Сотни тысяч израильтян целую неделю заполняли главную площадь Тель-Авива, требуя от правительства принять меры по решению острой жилищной проблемы. В Чили не прекращаются студенческие волнения, вызванные непопулярной реформой высшей школы. Всю Индию – крупнейшую демократию мира – потрясло мощное движение против коррупции, толчком к которому стала публичная голодовка правозащитника Хараре. Даже в Китае, где уличные беспорядки, как правило, жестко пресекаются властями, небывало широкий отклик получили стихийные кампании в связи с крупной железнодорожной катастрофой и строительством химического завода, угрожающего здоровью местного населения.

На юге КНР все чаще вспыхивают волнения, вызванные переделом земли и ухудшением экологической обстановки. При этом протестные выступления чаще всего возникают в индустриализированных центрах экспортного производства, отличающихся быстрым ростом экономики и увеличением доходов населения. В основе инцидентов лежат объективные факторы: рынок труда требует земли под новые предприятия и энергетические объекты, а ее не хватает. В сделках часто замешаны коррумпированные чиновники. К чести китайских властей, они идут на уступки протестующим, останавливая строительство экологически опасных объектов и создавая юридическую базу для урегулирования подобных конфликтов.

Наконец, в центре внимания мировой общественности оказалась арабская весна – серия народных революций в странах Северной Африки и Ближнего Востока, которые смели или заметно ослабили коррумпированные авторитарные режимы, где диктаторы десятки лет сохраняли неограниченную власть, передавая ее нередко по наследству, и казались незыблемыми.

Всем этим движениям присуща одна общая черта: на улицы Афин, Мадрида, Каира, Тель-Авива, Сантьяго-де-Чили выходят не только и даже не столько представители самых бедных, обездоленных слоев населения, сколько более благополучного, казалось бы, среднего класса, особенно его младшего поколения – образованной молодежи, тесно связанной социальными сетями Интернета (так называемая «фейсбукская молодежь»). В сентябре минувшего, 2011 г.

знамя протеста вновь вернулось в цитадели постиндустриального общества, мобилизовав массу недовольных средних слоев на «захват Уолл-стрита» – финансового центра Нью-Йорка (а фактически, всего современного мира).

Между тем еще недавно средний класс считался самой надежной опорой сложившегося статус-кво: недаром К. Маркс признавал, что «сила буржуазного порядка в среднем классе». Если сегодня он превращается из гаранта стабильности в зачинщика беспорядков, на то имеются достаточно веские причины как объективного, так и субъективно-психологического свойства [1]. Не вдаваясь сейчас в эти особенности, обозначим внешний контекст происходящих перемен.

Несмотря на существенные «страновые различия», имеются и общие причины столь масштабной политической дестабилизации. В их числе способы противодействия властей мировому финансовому кризису, направленные на поддержку наиболее обеспеченных слоев населения (по данным журнала «Форбс», в 2010 г. в мире насчитывалось 1011 долларовых миллиардеров и свыше 10 млн миллионеров, активы которых (без учета основной недвижимости) составляли 40,7 трлн долларов – в 2,5 раза больше ВВП США или трех следующих за ними держав – Китая, Японии, Германии вместе взятых (Независимая газета. 2011. 10 окт.)); бедность большинства населения и растущее социальное неравенство; жизненная безысходность миллионов людей; неясность или отсутствие перспектив восходящей социальной мобильности для молодежи и т.д. Особым конфликтно-генным фактором выступает коррумпированность власти, ее замкнутость в себе, формирование и видоизменение ее экономических и политических планов в отрыве от учета интересов граждан.

Все эти и иные характеристики отличают и российскую предвыборную ситуацию, в которой официальной идеологемой является «стабильность» как сохранение статус-кво. Даже популярный в последние месяцы дискурс модернизации, инициированный в свое время президентом Д. Медведевым, вновь отодвинут на периферию информационной повестки дня.

Вместе с тем процессы, происходящие в обществе, все больше входят в конфликт с режимом «суверенной» демократии, повышающим угрозу непредсказуемого развития. Протестный потенциал в рамках такого режима долго накапливается латентно, а затем прорывается наружу внезапно, преимущественно в деструктивных формах. Глубокие социально-политические противоречия нередко облекаются в форму этнической конфликтности. Массовые протесты 2005 г., связанные с отменой социальных льгот; трагические события сначала в Кондопоге, а затем в уральском поселке Сагра, вызванные неконтролиру-

емой миграцией и криминализацией экономики; наконец, бунт на Манежной площади (декабрь 2010 г.), спровоцированный, помимо прочего, коррумпированностью правоохранительных органов – яркие доказательства ущербности системы, пытающейся сохранить стабильность при помощи «синкретической» власти, оказывающей решающее влияние на большинство сфер социальной жизни.

Как показывают последние социологические исследования, в российском обществе постепенно растет запрос на некую альтернативу «синкретической» власти. В массовом сознании формируются иные предпочтения: поддержка многопартийности, конкуренции, справедливости распределения доходов как альтернатива ригидной системе, лишаящей страну перспектив развития. Вполне вероятное ухудшение мировой экономической конъюнктуры уже в ближайшем будущем может привести к эрозии и распаду режима «навязанного консенсуса» в отношениях элит, игравшего ключевую роль в обеспечении мягкого электорального авторитаризма; межэлитные конфликты вновь начнут выплескиваться в публичную сферу, стимулируя распад идеологического консенсуса вокруг доктрин «стабилизации» и рецентрализации [2].

Имеются также определенные подвижки в плане запроса на политическую активность. В докладе Уполномоченного по правам человека в РФ за 2010 г. отмечается симптоматичный рост на 3,8 % количества жалоб на нарушение права на свободу собраний. Как известно, эти права долгое время не принадлежали к числу приоритетных для российских граждан, уступая первенство социальным и экономическим правам. Да и сейчас эта цифра роста недостаточно внушительна. Однако не следует также забывать и о том, что востребованность политических прав имеет свойство резко и непредсказуемо возрастать [3].

Почему же в российском обществе возник и растет запрос на перемены во всех областях общественной жизни, но прежде всего в политической сфере? В конце 1990-х гг. утверждение в России идеологии и политики правого центра было огромным шагом вперед, поскольку оно обеспечило широкий общественный консенсус по двум ключевым вопросам:

- укрепление территориального единства страны;
- упорядочение хода радикальных рыночных реформ за счет частичного расширения регулирующих функций государства в целях повышения (весьма умеренного) уровня жизни массовых слоев населения.

Личность безоговорочно привлекательного в ту пору нового молодого лидера В. Путина цементировала этот компромисс эмоционально и психологически [4]. Однако сегодня такой консенсус перестал существовать как на элитном, так и на широком

общественном уровне. Налицо кризис политики и идеологии правого центра, о чем свидетельствуют сами его результаты:

– за 8 последних лет Россия потеряла 2 млн человек (демографический итог);

– в военную сферу вложена невиданная сумма – 20 трлн рублей, эффективность использования которой вызывает сильные сомнения (выполнение оборонного заказа периодически срывается, вызывая негодование президента);

– экономика России в кризисном 2009 г. «просела» почти на 8 % от совокупного ВВП: такого падения не показала ни одна страна в мире;

– число долларовых миллиардеров не сократилось в годы кризиса, а выросло;

– децильный коэффициент, характеризующий степень социального расслоения в обществе, даже по официальным данным является 15-кратным, тогда как в реальности его величина, скорее всего, 30-ти и даже более кратная.

Политика преодоления финансово-экономического кризиса в силу своей направленности на защиту, в первую очередь, банковского сектора и более зажиточной части населения оставила без внимания экономически слабые, малоперспективные, но политически активные группы россиян, в первую очередь молодежь. Это сработало на рост потенциала социально-экономического протеста. Дело было только в запале – им и стали столкновения на этнической почве в декабре 2010 г. (Манежная площадь) и на всем протяжении 2011 г. (эксцессы в ряде российских регионов).

Этническая составляющая, разумеется, играет в российских протестах заметную роль. В отдельных регионах Российской Федерации она даже выступает в качестве главной конфликтогенной силы. Но в масштабах всей России этническая конфликтность *вторична* по отношению к социально-политическим противоречиям, вызванным в равной мере кричащим социальным неравенством и безразличием власти к реальным проблемам, которые возмущают рядового человека.

Этот факт в последнее время признают и сами российские власти. Премьер-министр России В. Путин в программной статье «Россия: национальный вопрос» подтверждает, что системные проблемы общества очень часто находят выход именно в форме межнациональной напряженности. «Нужно всегда помнить, что существует прямая зависимость между нерешенными социально-экономическими проблемами, пороками правоохранительной системы, неэффективностью власти, коррупцией и конфликтами на национальной почве. Если посмотреть на историю всех недавних межнациональных эксцессов – практически везде мы обнаружим этот «спусковой крю-

чок»: Кондопога, Манежная площадь, Сагра», – пишет В. Путин. – Везде обостренная реакция на отсутствие справедливости, на безответственность и бездействие отдельных представителей государства, неверие в равенство перед законом и неотвратимость наказания для преступника, убеждение, что все куплено и правды нет» [5]. Диагностика ситуации, порождающей конфликты на этнической почве, проделана премьером действительно очень ярко и откровенно. Вместе с тем она лишь подтверждает ущербность социально-экономической политики, осуществляемой правительством, неизлечимую болезнь Российского государства, не справляющегося со своей функцией института регулирования социальных отношений и выразителя общенациональных интересов.

В ситуациях, чреватых переходом в стадию межнационального конфликта, действительно заключены большие риски и угрозы. Однако непонятно, к кому премьер обращается с призывом «самым жестким образом, без оглядки на чины и звания, оценивать действия или бездействие правоохранительных структур, органов власти, которые привели к межнациональному напряжению» [5]. Источник этого напряжения коренится, в первую очередь, в политике федеральной, а не региональной власти: именно федеральный Центр долгое время игнорировал актуальность и остроту национального вопроса в России.

Здравый смысл диктует необходимость формирования нового общественного консенсуса, новой коалиции согласия вокруг идей, реально волнующих российское общество. Негативные последствия мирового финансово-экономического кризиса повсеместно актуализировали левоцентристские идеи и ценности. Не менее актуален спрос на политическую активность, в отсутствие которой никакой перемены или даже корректировки политического курса в сторону его большей социальной направленности не произойдет.

Кто же может стать субъектом необходимых стране преобразований? Какие социальные слои должны иметь в виду политические партии в качестве социальной базы для реализации своего политического проекта?

Во времена К. Маркса передовой общественной силой считался пролетариат, сконцентрированный на крупных промышленных предприятиях. Это облегчало его политическое просвещение, делало возможной политическую мобилизацию, особенно в критических для капитализма ситуациях. Однако сегодня ситуация выглядит совершенно иначе, и сами объективные условия производства, а также мощное идеологическое воздействие на сознание и даже подосознание лишают рабочий класс возможности выступать как сплоченная политическая сила.

Современная хозяйственная логика предполагает, что экономический рост зависит от того, насколько развит *класс интеллектуалов – экономистов, специалистов в естественнонаучных дисциплинах, прикладных исследователей и образованной страты общества в целом*. Это и понятно: экономический рост, тем более развитие, не могут быть обеспечены людьми, единственное достоинство которых – политическая лояльность власти. *Новая степень влияния экономических факторов и признание определяющей роли образованной части общества отражают современные тенденции в мировом политическом развитии*. Для левых политических теорий (и, соответственно, для левых партий) представляется крайне необходимым найти соответствующие подходы к этому слою, поскольку сама их легитимация в общественном (да и массовом) сознании невозможна без участия интеллектуалов. Необходимо выработать механизмы привлечения последних к разработке новых политических проектов левой ориентации, предлагающих современному обществу новые ответы на актуальные вопросы: соотношение свободы и равенства, стабильности и изменений, рынка и государственного регулирования, новаций и консерватизма, ценностей выживания и самовыражения и т.д.

Глобальный социальный спазм – общая беда стран Евросоюза, России, США и, как теперь очевидно, даже стран Арабского Востока. Есть разница в страновых и региональных проявлениях этого кризиса, но его причина одна и та же – стихийный протест бедных слоев против утраты социальной перспективы, осознание которой, по стечению обстоятельств, произошло во многих странах мира почти одновременно.

В таком контексте уместно напомнить, что российская власть напрасно убаюкивает себя заверениями в том, что все находится под ее контролем. Пока российская стабильность базируется на двух основаниях: «агрессивной неподвижности» (С. Грин) российского общества [6], опасющегося потерять последнее и в силу этого уклоняющегося от рисков политической активности и институционального предпринимательства; и массовом оттоке за рубеж представителей среднего класса – наиболее активной и перспективной политической силы, потенциального субъекта демократических преобразований. Однако такое состояние не может длиться вечно: запрос на перемены зреет, и протестные настроения обретают реальные формы.

Протестные митинги на Болотной площади и проспекте Сахарова в Москве, последовавшие за объявлением результатов парламентских выборов 4 декабря 2011 г., стали для российских властей полной неожиданностью. Однако вкупе с неутешительными для «Единой России» итогами этих выборов протесты отразили взрывшую в обществе потребность в уважении гражданского достоинства людей со стороны

властных структур, резкое неприятие фальсификаций на выборах и острое желание перемен. Демонстрации и митинги, подобные московским, прошли и в других крупных городах России, обозначая горизонт и форматы протестного движения. Попытки ангажированных экспертов представить так называемых «рассерженных горожан» неблагодарными «хомячками», вылезшими из своих «теплых нор в Интернете» для дискредитации власти «от нечего делать», выглядят оскорбительными для участников массовых митингов протеста. Что касается намерения противопоставить их, «заевшихся», всей остальной, провинциальной России, то его иначе как провокационным не назовешь. Москва как столица государства не может существовать без регионов, как, впрочем, и регионы без Москвы. Никому не должно быть позволено в очередной раз использовать единство страны как разменную карту в далеко не бескорыстной политической игре.

Между тем в Сети появились сведения о составе митинговавших на Болотной площади и проспекте Сахарова. По словам составителей, скачав более 20 тыс. открытых профилей (заявки на участие в акциях в социальных сетях. – А. Г.), они собрали данные на всех участников митинга: кто ходил на митинг, что их интересует, какие книжки они читали, какие фильмы смотрели. Аудитория распределилась следующим образом: юноши – 80 %, девушки – 20 %. Подавляющая часть митинговавших попадает в границы от 18 до 28 лет, пик приходится на 23–24 года [7].

В ходе анализа географического распределения участников выяснилось, что 77 % живут в Москве, а еще 3 % – в Санкт-Петербурге. «Как ни странно, указавших Москву в качестве родного города всего 40 %. Остальные 60 % родились в совершенно разных местах нашей необъятной Родины», – пишут авторы исследования [7]. Большинство протестующих имеют высшее образование, их основными поставщиками оказались столичные вузы – МГУ, Высшая школа экономики (ВШЭ), Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российский университет дружбы народов (РУДН) и Московский государственный институт международных отношений – Университет (МГИМО).

Выбор политических пристрастий ВКонтакте весьма узок, и большинство пришедших – либералы. Общих интересов или групп у участников митинга практически нет, кроме разве что группы сайта радиостанции «Эхо Москвы». Круг музыкальных и литературных пристрастий достаточно широк: от Достоевского, Чехова, Булгакова до Бродского, Маркеса и Хемингуэя. Телевизор митинговавшая молодежь практически не смотрит, о чем часто упоминает в своих профилях, однако для таких передач, как «КВН», «Что? Где? Когда?», «Школа злословия» и «Прожекторперисхилтон» сделано исключение.

На основе анализа у авторов исследования получился такой портрет «Героя нашего времени»: «Мужчина, 23–24 года, любитель социальных сетей. Не имеет ярко выраженных политических взглядов, не религиозен, образован, англоговорящий. Интересы: современная литература, а также классика, которая в данный момент в тренде, артхаусные фильмы, фильмы в тренде с претензией на интеллектуальность. Ироничные телесериалы, мультфильмы «для взрослых» с претензией. Пунктик на здоровом образе жизни, спорте, красоте тела. С другой стороны, время от времени пускается во все тяжкие. *Главная ценность жизни – саморазвитие собственной личности* (выделено мною. – А. Г.). Ценит семью, но легко обходится без нее. Положителен. Считает, что ценит в людях честность» [7].

Нетрудно заметить, что социальный портрет «героя нашего времени» полностью соответствует критериям реального или потенциального среднего класса, ставшего в минувшем году возмутителем спокойствия повсюду в мире. В этом смысле российский политический процесс вполне укладывается в общемировую логику. Отсутствие полноценной возможности для самореализации вкупе с высокими притязаниями молодых образованных и по-хорошему амбициозных людей и к себе, и к власти выталкивает их в пространство открытой политической борьбы. По счастью, сегодня эта борьба легальна, протекает в законных формах, и это также известным образом характеризует ее участников. Вместе с тем даже в отсутствие откровенных политических требований и лозунгов сам факт такой массовой протестной мобилизации является политическим событием и требует к себе, как минимум, внимательного отношения, а не попыток шельмования, дискредитации и скрытых (или явных) угроз. Однако реакция ряда высокопоставленных персон оказалась явно раздраженной и даже враждебной по отношению к участникам массовых митингов протеста.

Между тем ставка на силовые методы подавления, если это однажды случится, может потребовать от российских властей слишком высокую плату. По общему мнению специалистов, арабские потрясения отдадут эхом и в российском контексте, а зона политического риска сегодня значительно шире, чем

арабский мир. Нельзя не согласиться с Б. Капустинным, когда он задается закономерным вопросом: «Неужели наш алчный и политически неумелый правящий класс обладает иммунитетом от революции? Неужели для ее предотвращения достаточно заклинаний типа «новой революции Россия не выдержит? А нынешний политико-экономический строй она долго выдержит?» [8].

Как показывают последние события вокруг Ливии, Йемена, Сирии, Ирана, внешний фактор в развитии внутривнутриполитических конфликтов приобретает все большее значение, особенно если поводом для внешнего вмешательства становится, как выразился президент Д. Медведев по поводу М. Каддафи и его окружения, «безобразное поведение правящей элиты в отношении собственного народа». Если применить эти слова к социальному поведению российской правящей элиты, то обнаружится, что и она отнюдь не застрахована от той или иной версии «гуманитарной интервенции» со стороны Запада (а конкретнее, стран Североатлантического альянса), если решится применить силу *в слишком больших объемах*, т.е. также продемонстрирует «безобразное поведение». Возможно, это стало бы именно той справедливой платой, которую она заслуживает. Но при чем здесь все мы и *Наша* страна?

ЛИТЕРАТУРА

1. Рубинский Ю. И. Бунт среднего класса / Ю. И. Рубинский // Независимая газета. – 2011. – С. 9. – 10 окт.
2. Рогов К. Гипотеза третьего цикла / К. Рогов // Pro et contra. – 2010. – Июль–октябрь. – С. 20.
3. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 год // Российская газета. – 2011. – 13 мая. – С. 17.
4. Богатуров А. Кризис политики правого центра / А. Богатуров // НГ – сценарии. – 2011. – 22 марта. – С. 11.
5. Путин В. Россия : национальный вопрос / В. Путин // Независимая газета. – 2012. – 23 янв. – С. 4.
6. Грин С. Природа неподвижности российского общества / С. Грин // Pro et contra. – 2011. – № 1–2 (51), январь–апрель. – С. 19.
7. Горбачев А. Кто выходит на Болотную. Портрет молодого человека в интерьере будущего митинга / А. Горбачев // Независимая газета. – 2012. – 18 янв. – С. 3.
8. Капустин Б. Реабилитация истории / Б. Капустин // НГ – сценарии. – 2011. – 22 марта. – С. 12.

Воронежский государственный университет

Глухова А. В., доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии
E-mail: soc@hist.vsu.ru
Тел.: 221-27-43

Сосунов Д. В., кандидат политических наук, преподаватель кафедры социологии и политологии
E-mail: denis_sosunov@mail.ru
Тел.: 221-27-43

Voronezh State University

Glukhova A. V., Doctor of the Political Science, Professor of Sociology and Political Studies Department
E-mail: soc@hist.vsu.ru
Tel.: 221-27-43

Sosunov D. V., Candidate of the Political Science, Lecturer of Sociology and Political Studies Department
E-mail: denis_sosunov@mail.ru
Tel.: 221-27-43